

Вот такие мы сентиментальные

Светлана ПОЛЯКОВА

Фотографии из личного архива Галины Полищук

Героиня нашей рубрики «Иностранец» — русскоязычный режиссёр и уроженка Латвии Галина Полищук, которая предпочитает работать в латышских театрах, хотя по-латышски заговорила всего несколько лет назад.

«Квота на жизнь»

Свой дипломный спектакль выпускница ГИТИСа (курс Бориса Юхананова) поставила в Новом Рижском театре Алвиса Херманиса, выбрав пьесу своего педагога Клима

«Король, дама, валет» по Набокову. И получила высший балл от экзаменационной комиссии, которую возглавлял Пётр Фоменко. Поработав у Херманиса ещё два года приглашённым режиссёром, русскоязычная Полищук была назначена на постановку пьесы «Вей, ветерок!» классика латышской драматургии Яниса Райниса, открывавшую Латвийский национальный театр после реставрации. Успех спектакля в стране и на международных фестивалях (в том числе на «Золотой маске») обеспечил Галине штатное место в этом коллективе, который она покинула, когда ей удалось открыть свой театр «Обсерватория». Гражданка Латвии, Галина Полищук ставила спектакли в странах Балтии, Скандинавии и в России, а в октябре 2016 года москвичи видели её спектакль на фестивале SOLO.

Вы никогда не работали в латвийском русскоязычном театре. Считаете его бесперспективным?

Он слишком консервативен. Возможно, потому что сами мы туда не ходим, латвийская пресса о нём совсем не пишет. Он где-то в другом пространстве. Впрочем, как и в Литве и Эстонии, режиссёры не встают в очередь, чтобы поработать в тамошних русскоязычных театрах. Я очень люблю латышских актёров — они чудесные, отзывчивые, всегда стараются услышать замысел режиссёра.

Как вам удалось, будучи одним из самых востребованных в стране режиссёров, остаться неизвестной в русскоязычной латвийской среде?

В Латвии, особенно в Риге, так много русских, что они могут спокойно жить, не зная государственного языка — например, работая в русском бизнесе. Так называемая государственная программа интеграции провалилась, и в течение более чем двадцати лет две языковые среды существуют параллельно. В русскоязычных школах преподают некоторые предметы на латышском языке — и дети учатся отвечать на ла-

Галина Полищук

тышском по дисциплине, но не могут коммуницировать. Поэтому большинство из них не пойдут в латышский театр. Парадоксально, но латышская культура многими русскими познаётся через российское информационное пространство. Мне до недавнего времени во всех латышских театрах было легче репетировать на русском. Лет десять назад про меня даже французское телевидение снимало фильм как раз на тему интимного общения с актёрами во время репетиций — мы забываем, на каком языке говорим, и понимаем друг друга, общаясь на разных языках. Но теперь в театр пришло работать поколение латышей, которые русского не понимают, я оказалась в латышской языковой среде, и мне пришлось научиться говорить (язык я знала со школы, но пассивно).

В Национальном театре Латвии вы ставили, кроме прочего, русскую и советскую классику. Какой «перевод» российской драматургии вы сделали для латышской публики?

Худрук театра сразу предупредил, что мы не можем позволить себе ставить советскую классику на большой сцене, поэтому мне предложили репетировать Арбузова на малой. Но уже в конце сезона из-за зрительского ажиотажа спектакль пришлось перенести в большой зал. Постановка «Мы» по пьесе Островского «Гроза», где действие происходило в Доме моды Кабановой, тоже пользовалась успехом и у критики, и у публики, она побывала на многих фестивалях, в том числе на питерском «Балтийском доме». А вообще, латышский зритель в театр ходит как в храм и ни за что не уйдёт со спектакля, даже если он ему не понравился, — вежливость...

В конце первого же сезона, возвращаясь из Германии с фестиваля «Новая Европа», вы прямо аэропорту объявили журналистам, что уходите из Национального театра. Что заставило молодого режиссёра решиться на такой безответственный шаг?

В процессе совместной работы, борьбы и преодолений внутри труппы сформировался коллектив – из актёров и студентов, которых я привела в театр и которые стремились к дальнейшему совместному развитию. Ушли сначала в никуда. Съездили в Норвегию – нас пригласили делать проект «Святая кровь» про норвежского святого Улафа. А когда вернулись – сменился директор Национального театра. Новый руководитель с министром культуры предложили нам вернуться, но уже в статусе отдельного коллектива под названием «Обсерватория» и со специально выделенным финансированием. То есть в последующие два года какие-то проекты осуществлялись как «обсерваторские», другие – вместе с Национальным театром: «Укрощение строптивой» Шекспира, «Керри. Ретроспекция» к юбилею мюзикла Раймонда Паулса с композитором за роялем (привозили его на «Балтдом»), «Джулия Фарнезе» Фейхтвангера. Вели открытые показы «По направлению к школе», где я пыталась продолжать начатое в ГИТИСе у Юхананова и Клима и обращать актёров в «свою веру».

В следующий раз вы ушли из Национального театра, когда появилась возможность открыть собственную «Обсерваторию» в рижском подвальчике. Почему пять лет спустя театр, билеты в который раскупались за полгода вперёд, пришлось закрыть?

Действительно, мы показывали по 35 спектаклей в месяц в зале на 70 мест – для Риги это неплохо. Но в 2011 году начались политические игры вокруг кресла министра культуры Хелены Демаковой, которая занимала этот пост долгие годы. Она высоко ценила нашу «Обсерваторию» и то, что я делала в Национальном театре. Вернувшись из Москвы с постановки «Олеси» в театре Et Cetera, я узнала, что министра нет, а наш театр сняли с госфинансирования, официально объяснив это экономическим кризисом. И тогда Раймонд Паулс и Хелена Демакова как-то уговорили меня участвовать в их избирательной кампании. Партия стариков, умеренных либералов, которые пытались не сталкивать русских и латышей, а политику строить вокруг экономики, впервые за много лет проиграла. Театр мой закрыли, 30 человек остались без работы. Актёры обвиняли меня, мол, если бы я не ввязалась в это, наш театр не тронули бы. Но ведь я как раз и бросилась в выборы в надежде спасти людей от безработицы...

Наверное, это очень интересный опыт для режиссёра. Хотя и нелёгкий...

Было совсем неинтересно! Я столкнулась с такой ложью! Говоришь журналисту одно, на следующий день в прессе выходит другое. На телевидении так монтировали мои выступления, что полностью менялся их смысл. Я тяжело пережила этот период. Зрители вставали на нашу защиту, но коллеги нас не поддерживали. Адольф Шапиро в своей книге «Как закрывался занавес» писал: вот ты выходишь на улицу и замечаешь, что знакомые, увидев тебя, переходят на другую сторону. Со мной было примерно то же самое. Хотя, наверное, многим казалось, что это невозможно, чтобы такая популярная в Латвии Полищук осталась без работы. Мы всегда уверены, что уж с нами-то так не поступят... Теперь я точно знаю: поступят с кем угодно.

То есть вашему поражению на выборах мы обязаны появлением ваших спектаклей в репертуаре российских театров?

Приблизительно через полгода, осознав происшедшее, я взялась изучать полученные от разных людей визитки. Нашла приглашение Каменск-Уральского

театра драмы, с руководителем которого мы встретились на «Золотой маске» после спектакля «Вей, ветерок!». Мы тогда даже толком не пообщались. Благодаря «визиточным» знакомствам я поставила в то время в омском «Пятом театре» спектакли «Кто боится Вирджинии Вульф?» и «Игра на выживание», а также «Лодочника» Яблонской в Каменске-Уральском. Их показали на Фестивале театров малых городов России, на «Ново-Сибирском транзите», в Екатеринбурге, один даже попал в лонг-лист «Золотой маски», но жюри не смогло посмотреть его из-за родов актрисы. Только что мне прислали поздравление актёры из театра «Балтийский дом» – сегодня сыграли сотый спектакль «Возвращение в любовь», который я ставила по стихам Евтушенко на музыку Паулса. Россия меня спасла! Я смогла работать и содержать своего ребёнка.

На латвийскую сцену вы вернулись в творческом дуэте с актёром вашего бывшего театра Андрисом Булисом. Моноспектакль «Facebook. Life» несколько раз показали в Санкт-Петербурге, а этой осенью – на фестивалях в Благовещенске и Москве, причём на фестивале SOLO Андрис играл по-русски. Но ваш тандем начался гораздо раньше, со спектакля «Полёт»...

«Полёт» мы сделали ещё в «Обсерватории» году в 2007, но в 2013-м его неожиданно пригласили на фестиваль «Монокль», где он получил третье место. В результате объездил с десятком фестивалей – в Эстонии, Литве, Израиле и на Украине. В последний раз это была питерская «Радуга-2016» и фестиваль в Друскининкае. Андрис, хотя и был актёром сначала Национального театра, а потом «Обсер-

ватории», и даже снимался в российском кино, издал уже три книги стихов, и текст к своему первому моноспектаклю он написал сам – по своей биографии. Такого красавца в Латвии никто как автора не воспринимал всерьёз, и отзывы были плохие. После закрытия «Обсерватории» мы оба остались без постоянной работы, Андрис вёл две передачи на телевидении, а я много времени проводила в «Фейсбуке». И однажды наткнулась на сообщение о смерти двух известных в Латвии людей – критика Нормундса Науманиса, который умер неожиданно в 52 года, и драматурга Гринбергса. И увидела, что люди всё равно пишут им, несмотря ни на что: «Привет, сегодня самый грустный мой день рождения без тебя...», «Привет! Сегодня вышла твоя книга, вот бы ты порадовался». Про себя я думала, что никогда не стала бы так поступать, но однажды всплыло окно с сообщением о дне рождения моей умершей сестры, и я вдруг сама написала ей. Цукерберг где-то упомянул, что они уже подумывают создать кладбище мёртвых аккаунтов, чтобы дать возможность желающим сохранять память о человеке. Так родилась идея спектакля

«Facebook. Life», к которому большинство текстов написал Андрис Булис. Этой постановке три года. Мы уже побывали с ней на многих фестивалях, а в конце 2016-го едем в Штутгарт.

В середине сентября вышел ваш с Андрисом новый спектакль – «Квота на жизнь» – на очень актуальную сегодня тему беженцев. Этот общественно значимый проект финансировало государство?

Мы выиграла грант Юрмальской думы. Сочинили технически сложную форму, в которой партнёрами живых актёров становятся видеоперсонажи. Героем Андриса стал сомалиец из лагеря для мигрантов, где мы готовили материал. Темнокожий беженец отстаивает одну точку зрения, а журналистка из Европы – другую. Место действия – вымышленная страна, герои говорят на несуществующем языке, который по звучанию напоминает арабский. А в микрофон транслируют перевод, как при переозвучивании фильма. Герой Андриса в финале всё же начинает говорить на ломаном латышском, то есть остаётся жить в Латвии.

Беженцы, с которыми мы встречались, только и могли сказать на латышском: «Здравствуйте! Я люблю Латвию. Я люблю клубнику» – так и Андрис заканчивает спектакль. Реакция латышей на эту работу вызывала серьёзные опасения. Мы выпускали премьеру в момент, когда общество помощи беженцам распространило по стране плакаты «А если бы ты бежал?» – и латыши негодовали. Критики, высоко оценившие форму спектакля, часто заканчивали словами: конечно, всех людей жалко, но сегодня надо думать о своих больных, умирающих. Я отчасти согласна – сегодняшнее состояние Латвии не располагает к тому, чтобы помогать другим. Трудоспособное население уезжает на заработки в Ирландию, оставляя здесь своих детей и стариков, латыши умирают, не дождавшись очереди на медицинское обследование, которая длится по полгода, у нас высокие цены на транспорт. И в то же время внутренняя безопасность в стране, к которой привыкли и которой люди очень дорожат... Латвия по квоте должна принять 700 беженцев, но в реальности из двухсот человек у нас в стране остались только двое.

А другая ваша постановка в Лиепайском театре посвящена проблемам эмиграции латышей...
Директор Герберт Лаукштейн, который, как и я, учился в ГИТИСе (у Кнебель), первым после опалы пригласил меня работать у него – ставить «Наш городок» Торнтон Уайлдера, адаптированный к латвийским реалиям. Спектакль о Лиепаве, с конкретным видеорядом, сделанный с огромной любовью к городу моря, рока и свободы, второму по значимости городу Латвии. Персонажи работают в знакомых всем местах, и зрители их тут же узнают: лие-

Галина Полищук и Раймонд Паулс

пайский сетевой супермаркет и история его продавщицы, работник автозаправки, площадь перед всеми любимой рок-кафешкой. Душа болит за то, что в республике остаётся все меньше и меньше людей, останавливаются заводы и фабрики! Как раз в период работы над спектаклем в Лиепаве закрыли металлургический завод Liepajas metallurģis, построенный ещё в эпоху Российской империи. В спектакле есть и лав-стори – между латышом и русской, которая не в состоянии сдать языковой экзамен на категорию, из-за этого не может трудоустроиться и кончает жизнь самоубийством. Сами актёры предложили играть сцены между ними на русском. Правда, пришлось давать субтитры, поскольку молодые латыши этого языка уже не знают.

Ваша ближайшая премьера в Лиепайском театре – «Старший сын» Вампилова. Насколько близки добропорядочным латышам проблемы sentimentalного российского семейства Sarafanofs'ov?

Семейные проблемы всегда близки всем! Я – интернационалист. У меня нет ни одного родственника в России, я впервые попала туда, когда поступала в ГИТИС. Вся моя родня в Латвии, мои предки-староверы приехали давным-давно, здесь наше семейное кладбище, никто из нас из Латвии не уезжал, но мы – русскоязычные! Где наша родина? Земной шар. В последнем, посмертном монологе героиня «Нашего городка» произносит: «Живи, мир! Живи, Латвия! Живи, Лиепая! Слышишь?» – актёры говорят, что когда доходит до слова «слышишь», зал всхлипывает, и им трудно стоять, замедлив, потому что слёзы кусают лицо. Вот такие мы все sentimentalные...

We are Such Sentimentalists

Svetlana POLYAKOVA

Photos courtesy of Galina POLISCHUK

THE NEW HEROINE OF OUR HEADING “FOREIGNER”, RUSSIAN SPEAKING DIRECTOR GALINA POLISCHUK FROM LATVIA, PREFERS TO WORK FOR LATVIAN THEATRE ALTHOUGH SHE STARTED SPEAKING LATVIAN ONLY SEVERAL YEARS AGO.

“Quota for Life”

Her graduation play (from Boris Yukhananov’s class in GITIS) she staged in Alvis Hermanis’ New Riga Theatre based on the play of her teacher Klim written by Nabokov’s “King, Queen, Knave.” She has received the highest score from the examination committee, headed by Pyotr Fomenko. After working for Hermanis for two more years as a guest director, the Russian speaking director was appointed to the staging “Twist, a Breeze!” by the classic of Latvian drama Janis Rainis in the National Theatre after renovation. The success of the play in Latvia and at international festivals (including The Golden Mask) secured Galina a working place in the National Theatre of Latvia. Which she left when she managed to open her own Theatre Observatory. A national of Latvia Galina Polischuk has staged plays in the Baltics, Scandinavia and Russia, and her most recent production was shown for Muscovites at SOLO Festival in October 2016.

You have never worked for Russian theatre of Latvia. Do you find it unpromising?

It is too conservative. Probably because we do not visit it ourselves, Latvian mass media doesn’t cover it – it exists in a different space. I am very fond of Latvian actors – they are wonderful people, very understanding, always striving to understand a director’s idea.

How does it happen that while being one of the most famous directors of the country, you are unknown to Russian-speaking community of Latvia?

In Latvia, in particular, Riga, Russian community is rather large and self-sufficient. Surprisingly, but many Russians learn about Latvian culture through Russian mass media. Until recently, in all Latvian theatres it was easier for me to rehearse in Russian. Some ten years ago, I was filmed by the French TV on the topic of my communication with actors during rehearsals – we forget what language we speak and understand each other, using different languages. But now a new generation of Latvians who came to the theatre to work do not understand Russian, and I had to learn Latvian.

In Latvian National Theatre, you have staged Russian and Latvian classics, among other things. What interpretation of Russian dramaturgy you made for Latvian audience?

Galina Polischuk

The theatre artistic director immediately warned me that we could not allow Soviet classics on the big stage, so I was offered to stage Arbuzov’s play on the theatre small stage. Nevertheless, at the end of the season due to the excitement of the audience the play was moved to a big hall. The same about “We” on Alexander Ostrovsky’s play “The Thunderstorm”, it was very popular with both critics and the public, and participated in many festivals (including St. Petersburg’s Baltdom). Latvian theatregoers go to the theatre as if it is a temple, never leaving the show before the end – politeness requires...

At the end of your very first season, on your way back from New Europe Festival, Germany, in the airport you made a statement for journalists that you were leaving the National Theatre... What made the young director make such “irresponsible” decision?

In the process of working together, fighting and overcoming within the cast we formed a team – from actors and students, who I had brought to the theatre, who longed for mutual development. We have left and went to Norway – were invited to the project, “Holy

Blood” about Norwegian saint Olav. When we returned – the theatre manager of the National Theatre was replaced, and together with the Minister of Culture, they invited us to come back, but in the status of an independent company under the name of Observatory with allocated funding.

Next time you have left the National Theatre when the opportunity came to open your own Observatory in a cellar of Riga. Why was it that in five years the theatre had to be closed, although the tickets were booked six months in advance?

In fact, we used to have 35 shows every month in a hall with 70 seats – for Riga it was a good attendance. In 2011, political games began around the chair of Minister of Culture Helena Demakova, who was filling the position for many years, and highly appreciated Observatory and my work at the National Theatre. Having returned from Moscow, where I was working on “Olesya” at Et Cetera Theatre, I learned that the Minister was not there anymore and our theatre was left without state funding officially justified by financial crisis. The theatre was closed, 30 people lost their jobs.

You returned to Latvian theatre stage in a creative duo with Andris Bullis, the actor of your former theatre. One-man show “Facebook.Life” was shown in St.Petersburg more than once, this autumn – at Blagoveschensk festival and in Moscow at SOLO festival – in Russian. Although your tandem started much earlier with the play “Flight”...

“Flight” we did at the Observatory back in 2007, but unexpectedly in 2013 it was invited to Monocle International Monodrama Festival and won the third place, as a result of it went to dozen of festivals – in Estonia, Lithuania, Israel and Ukraine. The last time it was St. Petersburg’s “Rainbow”-2016 and Festival in Druskininkai. Andris, although he was an actor, at first, of the National Theatre and then of Observatory and even starred in Russian cinema, has published three books of poetry, and was an author of lyrics for his first monodrama, based on his biography. Such handsome man in Latvia has never been taken seriously as an author, and the criticism was bad. After Observatory closed, we both were left without permanent job, Andris was hosting two TV programs on television, and I spent much time on

“Quota for Life”

Facebook. Once I came across messages sent to people after their death: “Hi, today is my saddest birthday without you ...” “Hi, today your book has been published, you would be happy...” I thought to myself that I would never write to a deceased person, but when once a message box about the birthday of my dead sister came up, I suddenly wrote to her. Mark Zuckerberg has somewhere mentioned that they were considering creating some kind of “cemetery” of dead accounts to give an opportunity to those interested to treasure memory. That is how I came up with the idea of “Facebook. Life” show, most of the texts for which were written by Andris Bullis. It was three years ago. We have taken it to many festivals since, and at the end of this year, we go to Stuttgart.

In the middle of September your new production with Andris was on – “Quota for Life” capturing a very important subject of today – refugees. Has this significant project received state funding?

We have won a grant of Jurmala City Council. We invented technically complex form when video-characters become partners of live actors. Andris plays a Somali from a

refugee camp, where we were gathering the material. The dark-skinned refugee upholds his point of view, and a female journalist from Europe – hers. The scene is a non-existent country, the characters speak a non-existent language with resemblance to Arabic. Andris’ character in the finale starts speaking broken Latvian, which means that he had stayed in Latvia. Refugees we had met could only say in Latvian: “Hello! I love Latvia. I love strawberries,”- those are Andris’ final words in the play. The Latvians’ reaction to the play raised serious concerns. We released the premiere at that moment when refugees’ aid society was distributing posters “What if you had to flee?” around the country. Latvians were indignant. Critics praised the form of the performance, yet often ended with: of course, we should feel sorry for all people, but let’s think first of our own sick and dying. In part, I could not agree more – the current situation in Latvia is not conducive for helping others.

A working population is going to Ireland in search of employment, leaving here their children and old people; Latvians die, without medical examination, because they had to wait for their turn for six months,

the high price for transport, and on the other hand – the internal security of the country, people got used to it and appreciate it greatly... Under the quota, Latvia is to receive 700 refugees. However, in fact, out of two hundred refugees only two have stayed in Latvia.

As for your other production at Liepaja theatre, it is about the issue of emigration of Latvians...

Theatre manager Herbert Laukstein, who had also graduated from GITIS, was the first one to invite me after the disfavor to stage Thornton Wilder’s “Our Town”, adapted to the realities of Latvian life. This is the play about Liepaja, made with great devotion to the city of sea, rock and freedom, the second largest city of Latvia. The characters work at places familiar to everyone, recognizable for the audience: Liepaja supermarket and the story of its saleswomen, gas station employee, and the square in front of everyone’s favorite rock cafe... My heart bleeds over people leaving the Republic, which factories and plants are getting closed. Just during the staging of the play in Liepaja, the steel plant “Liepajas Metallurģis” was shut down. The play contains a love story as well – between a Latvian man and a Russian girl, who could not pass the language exam in order to get employment and she commits suicide. Actors themselves offered to play this part in Russian, although we had to provide subtitles – young Latvians do not understand Russian.

Your next premiere in Liepaja theatre is “The Elder Son” by Vampilov. How close to respectable Latvians the problems of sentimental Russian family – the Sarafanovs?

Family problems are always close to everyone! I am an internationalist. I do not have any relatives in Russia, and for the first time I came to Russia to enter GITIS. Although all my relatives are in Latvia, here arrived my ancestors – Old Believers long time ago, our family cemetery is here and none of us has ever left Latvia, yet we are Russian-speaking. Where is our home? The whole world. In her last posthumous monologue the heroine of “Our Town” says: “Let the world live! Let Latvia live! Let Liepaja live! Do you hear?” As soon as the actress says the word “hear”, there are sobs in the audience and the actors say that it is difficult for them to stay still because their eyes fill with tears. Here we are such sentimentalists...